

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

(Сыктывкар)

В статье обосновывается вывод о бесклассовой, слоевой структуре общества государственного социализма, классическим примером которого является советское общество. Государственный способ производства выдвигает место в системе административных отношений как ведущий критерий социальной стратификации. Разложение государственного социализма создает возможность для формирования системы стратификации на основе экономической дифференциации.

Механизм социальной стратификации

Социальное неравенство является атрибутом любого типа общества. Различия прослеживаются лишь в степени этого неравенства. Одним из вариантов дифференциации общества является социальная стратификация, представляющая собой иерархически упорядоченное неравенство: социальные группы формируют подобие пирамиды, в которой слои различаются объемом власти, богатства, престижа и т. д.

Социальные слои (страты) складываются прежде всего на основании одного признака, формируя систему одномерной стратификации. Эта система очень пестра, противоречива, подвижна. Один индивид одновременно входит в большое

Владимир Иванович Ильин (род. в 1950 г.), — выпускник Ленинградского государственного университета, канд. исторических наук, доцент кафедры философии и социологии Сыктывкарского университета, заведующий социологической лабораторией, автор ряда статей по социологии управления и социальной стратификации, монографии «Социальная стратификация» (Сыктывкар, 1990),

число одномерных страт. Более устойчивый характер Носят группы, формируемые на основе комплекса признаков. Они образуют систему многомерной стратификации. В нее входят, сословия, классы, этнические общности и т. д.

Общество, описанное как сочетание одномерной и многомерной стратификации, с первого взгляда представляет собой хаотичное наслоение пересекающихся, частично взаимовключающих друг друга слоев. Разобраться в этой крайне запутанной картине весьма сложно. Поэтому концепция классовой структуры выгодно отличается своей простотой, доступностью для понимания любым человеком. Однако простота и истина не так уже часто идут рука об руку. В описании же столь сложного организма как общество простые схемы вызывают вполне обоснованное подозрение в их адекватности социальной реальности.

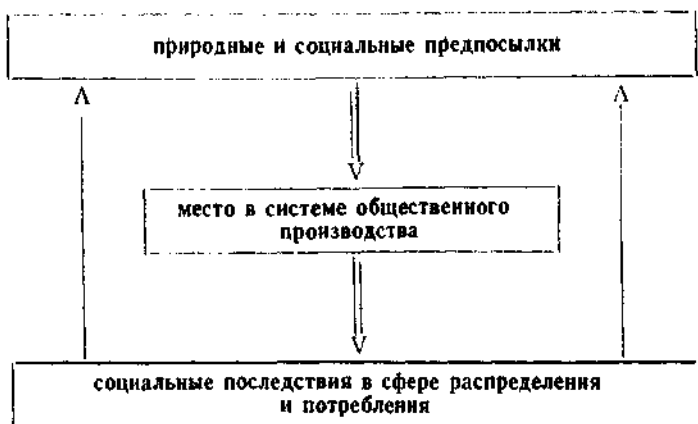
В хаотичном нагромождении слоев, социальных общностей, сформировавшихся на основе разных критериев, все же прослеживается хотя и не простая, но все же система. Непосредственной основой, главным критерием социальной стратификации является место социальной общности в системе общественного производства, как материального, так и духовного. Такое место описывается обычно с помощью более или менее сложного комплекса статусных характеристик. Поэтому социальные группы, выделяемые по их месту в системе общественного производства, формируют каркас многомерной стратификации, представляющей собой социальный фундамент общества.

Место социальной группы в системе общественного производства обуславливается ее способностью выполнять соответствующие функции, завоевать право взяться за них. Эти условия могут носить как объективный, так и субъективный характер: пол, природные условия места проживания, расовая или религиозная принадлежность, уровень образования и т. д. Предпосылки места социальной группы в системе общественного производства обычно описываются с помощью одномерной стратификации.

Место в системе общественного производства порождает целый ряд социальных последствий в сфере распределения, потребления: уровень доходов, жилищные условия, престижность социальной позиции и района проживания, комплекс показателей стиля жизни и т. д. Социальные последствия места в системе общественного производства описываются в

основном с помощью одномерной стратификации, хотя отнюдь не обязательно только в ее рамках.

Таким образом, в крайне пестрой и противоречивой системе социальной стратификации общества, прослеживается определенная схема:

В свою очередь социальные последствия места в системе общественного производства оказывают обратное влияние на социальные и даже на природные предпосылки. Так, уровень доходов, престиж и другие факторы могут влиять на возможности получения детьми из соответствующей группы образования. Жилищные условия, уровень доходов и другие последствия влияют на состояние здоровья как предпосылку выбора места в системе общественного производства. В результате образуется замкнутая система с прямыми и обратными связями. Ее же детерминирующим ядром является специализация в системе общественного производства.

Место в системе общественного производства — это место в общественном разделении труда. Оно проявляется в целом ряде важных характеристик социального статуса группы: место в технологическом разделении труда (отраслевая специализация) и роль в пирамиде властных отношений. В свою очередь власть выступает в разных формах: политическая, административная, экономическая, духовная и др.

Особенности действия механизма социальной стратификации в обществе государственного социализма

Общественное производство, основанное на частной собственности, порождает систему социальной стратификации, где главным дифференцирующим критерием являются отношения собственности. Люди делятся на собственников средств производства и наемных работников. В свою очередь собственники дифференцируются по объему контролируемых ими средств производства, а наемные работники — по степени их участия в системе контроля (полюса: менеджеры — неквалифицированные рабочие). Это социально-экономическая стратификация, основными элементами которой являются классы и внутри- и межклассовые слои. Классическим примером такой стратификации дает капиталистическое общество, сложившееся в Западной Европе и Соединенных Штатах. Отношения собственности выступают как властные отношения: владелец средств производства обладает властью над теми, кто ими не владеет, но нуждается в них. Отношения экономической власти оказывают в конечном счете мощное влияние на административную, духовную и политическую системы власти: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. На анализе такой общественной системы и вырос классический марксизм, одним из ключевых положений которого является идея детерминирующего влияния базиса на надстройку.

За пределами ограниченного в пространственном и историческом плане ореала европейской капиталистической цивили-

лизании четко проявлялся или господствовал государственный («азиатский» по терминологии К. Маркса) способ производства. Общество «реального социализма», возникшее сначала в Советском Союзе, а затем еще в почти полутора десятке стран мира, являлось прямым продолжателем государственного способа производства, берущего свое начало с восточных деспотий Междуречья, Египта, Китая... Этот способ производства закономерно порождал принципиально иную систему социальной стратификации.

Такое общество, точно определяемое как **этакратическое**¹, характеризуется тотальным огосударствлением всех сфер общественной жизни. Господство государственной собственности на средства производства сводит до минимума роль отношений собственности как социально-дифференцирующего критерия. Все вокруг государственное. В этих условиях деление на классы как социально-экономические группы становится невозможным. Этакратическое общество носит бесклассовый характер. Это же в полной мере относится и к так называемому «реальному социализму», который точнее можно назвать государственным социализмом, представляющим собой историческую разновидность этакратического общества.

С 30-х гг. в советском обществоведении безраздельно господствовала формула «2+ 1»: «два класса и одна социальная группа (прослойка)», перенесенная затем вместе с другими советскими теоретическими «достижениями» в союзные страны. Деление общества государственного социализма на классы, понимаемые в соответствии с марксистским их определением, при внимательном рассмотрении оказывается всего лишь идеологическим мифом. Формально работники государственных предприятий и колхозники различаются формами собственности на средства производства, с которой они связаны. Но эти различия не прослеживаются в реальной социальной жизни, так как колхозно-кооперативная собственность подверглась почти полному огосударствлению уже в момент ее формирования. К этому надо добавить существенную логическую погрешность в классификации: классы выделяются на основе отношений собственности, а интеллигенция — по содержанию труда.

В обществе государственного социализма все граждане являются наемными работниками государства. В этих условиях деление на классы в их марксистском понимании теряет смысл. Общество такого типа носит бесклассовый характер

хотя выводы о его нарастающей социальной однородности — это очередной миф советской идеологии, именовавшей себя марксизмом-ленинизмом.

С завершением формирования общества государственного социализма («полной победой социализма» по официальной терминологии), выразившегося в ликвидации социально-экономической многоукладности, не произошло движения к социальной однородности: просто один вид социального неравенства сменился другим, на место классовой стратификации пришласлоевая.

Чтобы понять ее природу, необходимо уточнить характеристику этакратического общества. В результате тотального огосударствления политическая, экономическая, духовная и административная системы власти сливаются. Политическая и экономическая системы поглощаются административной. Остались лишь разные объекты административного управления. При такой ситуации место в системе властных отношений (в системе контроля) как критерий социальной стратификации сводится к месту в административной системе. Здесь все граждане — служащие одного хозяина, различающиеся лишь объемом делегированных им полномочий. Таким образом в обществе государственного социализма основной каркас системы социальной стратификации обусловлен административными отношениями.

Административная власть как критерий стратификации

Общество государственного социализма представляет собой единую организацию. Любая же организация состоит из слоев, расположенных в иерархически упорядоченном виде. При этом все слои объединяются в две большие группы: управляющие и управляемые. Именно этот социальный рубеж является наиболее глубоким в обществе государственного социализма. Он настолько очевиден и так легко обнаруживается даже при поверхностном наблюдении, что появляется соблазн перенести марксистскую концепцию классов и классовой борьбы, разработанную для условий поднимающегося капитализма, на общество государственного социализма, заменив эксплуататорский класс буржуазии таким же эксплуататорским классом управленцев. В наиболее ярком и доступном для понимания виде это сделал М. Джилас, у которого нашлось много последователей в разных странах мира, в том числе и в СССР. Однако при всей своей заманчивой простоте

и ясности такой подход к анализу социальной стратификации общества государственного социализма не представляется приемлемым. Классы — это социально-экономические группы. Классовое общество делится на собственников средств производства и наемных работников. Имеет ли место такое деление в обществе этатрактического типа? Сомнительно. Здесь все, от генерального секретаря до сторожа и грузчика — служащие, имеющие те или иные права лишь поскольку они выполняют порученную им функцию в административной системе. Суверенным собственником является весь аппарат социального управления. Аналогия с классом капиталистов не получается. Возможна аналогия, хотя и с большими натяжками, лишь с менеджерами капиталистических фирм. Аппарат управления представляет собой социально-Должностную общность в административной системе. Это группа наемных работников, выполняющих управленческие функции. Если классу собственников средств производства в капиталистическом обществе противостоит общность наемных работников, то управленцам в обществе государственного социализма противостоит совокупность слоев, занятых сугубо исполнительскими функциями в общественном производстве. Работники аппарата управления представляют собой многослойную общность, где главным критерием социальной дифференциации является объем административной власти. Социальными предпосылками места в аппарате являются такие факторы как уровень и тип образования, стаж работы, личные связи (место в патрон-клиентских отношениях), компетентность и т. п. Социальными последствиями места в системе административной власти будут уровень оплаты труда, объем привилегий, жилищные условия, условия труда и т. д. Исполнители тоже делятся на слои, различающиеся степенью их участия в подготовке управленческих решений (специалисты и служащие-технические исполнители занимают в этом плане промежуточное положение), самостоятельностью на своем рабочем месте (квалифицированные рабочие и подсобники — это полярные слои).

Социально-отраслевая стратификация

В любом типе общественного производства в той или иной мере прослеживается тенденция к отраслевой специализации (в примитивном первобытном обществе это проявляется как слабо выраженная потенциальная тенденция, в современном

обществе — это ярко выраженная очевидная структура). Люди, занятые в одной отрасли общественного производства, представляют собой социальную общность — многомерную группу, описываемую целым комплексом статусных характеристик. Это группа, являющаяся произвольной от таких социальных и природных факторов как климатические условия и природные богатства района проживания, степень развития социальной инфраструктуры, уровень общего и специального образования, культурные традиции и т. д. К социальным следствиям отраслевой стратификации можно отнести различия в условиях труда, в уровне его оплаты, в обеспеченности Жильем, престиже и т. д. Социальные общности, связанные с разными отраслями экономики, различаются, не только с точки зрения технологического разделения труда, но и по своему положению в обществе. Здесь мы имеем дело не с простым неравенством, а с его иерархически упорядоченной разновидностью — социально-отраслевой стратификацией. Работники разных отраслей хозяйства различаются уровнем жизни, влиянием на жизнь общества, престижем, стилем жизни и т. д.

Социально-отраслевая стратификация присуща в той или иной мере любому обществу. Однако механизм ее формирования зависит от сущностных характеристик социально-экономической и политической систем. В странах с рыночной экономикой именно рынок регулирует данный вид стратификации: одни отрасли оказываются в условиях выгодной конъюнктуры, что ведет к повышению социального статуса их работников, другие сталкиваются с необходимостью свертывания производства, многие предприятия разоряются, растет безработица, встают острые проблемы переквалификации, миграции и т. д.

В обществе государственного социализма отраслевая структура хозяйства регулируется в соответствии с командами государства. Мощь государства является важнейшим критерием прогресса. Поэтому отрасли, от которых в первую очередь зависит рост государственного могущества (армия, военно-промышленный комплекс, тяжелая промышленность) получают приоритетное развитие: больше ассигнований на хозяйственное и социальное развитие, стабильнее поставки ресурсов, выше зарплата, быстрее решается жилищная проблема, лучше условия отдыха и т. д.

Государство — это прежде всего работники его аппарата. В обществе государственного социализма с первых его ша-

гов шел интенсивный процесс сращивания партийного и государственного аппаратов. Следствием стало формирование фактически единого аппарата. Государство стало партийным, а партия — государственной. Поэтому мощь государства — это мощь его аппарата, благо государства — это прежде всего благо работников аппарата. Если к этому добавить, что последние заняли высшие ступени в системе социальной стратификации, что политический режим сделал невозможным любые сомнения в правомерности отождествления понятий «благо народа» и «благо аппарата», то становится понятным, что в таком типе общества нет особых препятствий для выдвижения партийно-государственного аппарата (работники партийных органов и государственных органов общей компетенции) на господствующие позиции в социально-отраслевой стратификации.

Хозяйство государственного социализма основывается не на товарно-денежных отношениях, а на административном распределении. У кого в руках административная власть, тот занимает привилегированные позиции в системе распределения. Если учесть, что имманентной чертой такого хозяйства является дефицит производственных и потребительских ресурсов, то становится ясно, что высокие позиции в системе административной власти являются фактором, определяющим место индивида или целого слоя в очереди за дефицитным товаром. Работники партийно-государственного аппарата, выполняющие функции межотраслевой координации, оказывались в самом выгодном положении. Это давало им возможность быть первыми в бесконечной очереди и за продуктами питания, и промышленными изделиями, и жильем и продукцией духовного производства.

Но чтобы распределять все и всем нужен специализированный аппарат, отличный от аппарата управления, но непосредственно подчиненный ему. Такие функции выполняют работники торговли, общественного питания, бытовых услуг и т. п. Формально они являются простыми исполнителями чужой воли. Но от формального до реального в таком обществе гигантское расстояние. Формально аппарат — это тоже лишь слуги народа, не имеющие других забот, кроме блага этого народа. Работники сферы распределения, как и других социально-отраслевых общностей, не чужды группового эгоизма, суть которого можно выразить, переформулировав известную фразу из песни: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». В реальной жизни — наоборот. Распределяя,

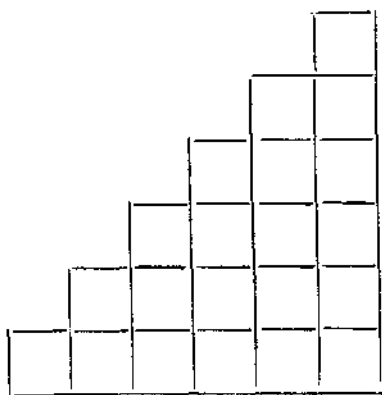
работник торговли не может не думать о себе. В противном случае у него начали бы расти ангельские крылья. В очереди за дефицитом они оказываются в первых рядах вперемежку с работниками партийно-государственного аппарата. Поэтому даже при честном варианте работы эта социально-отраслевая общность имеет более высокий уровень жизни, который слабо коррелируется с низкой зарплатой.

К этому почти легальному механизму социальной дифференциации надо добавить и нелегальный, но имеющий мощное влияние на социальные отношения. Работники сферы распределения в явочном порядке превращаются в совладельцев магазинов, столовых, привозимых туда товаров. Это выражается в присвоении этих товаров, в произвольном завышении цен, в регулировании потока товаров и услуг в наиболее выгодном для себя направлении. Эта группа факторов является важным показателем социального статуса работников сферы распределения.

«Все более полное удовлетворение растущих потребностей народа», провозглашенное «основным экономическим законом социализма», не имело, конечно, никакого отношения к реальной хозяйственной и политической практике. На первом месте всегда стояла мощь государства, но отнюдь не благо народа. Поэтому тем отраслям материального и духовного производства, которые напрямую были связаны с так называемым «основным экономическим законом», доставалось то, что не было потреблено приоритетными отраслями. Отсюда вполне естественно сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, жилищное строительство, образование и т. п. влачили всегда весьма жалкое существование, занимая нижние этажи системы социально-отраслевой стратификации.

Переплетение социально-должностной и социально-отраслевой систем стратификации составляет основу всей системы социальной стратификации общества государственного социализма. Все другие виды одномерной и многомерной стратификации выполняют по отношению к ним роль либо условия, либо следствия.

Схема: Должностная и отраслевая системы социальной стратификации

социально-
должностные слои

социально-отраслевые общности

Судьба сословий в государственно-социалистическом обществе

Сословия — это социально-правовые группы, различающиеся объемом прав и обязанностей по отношению к государству, характеризующиеся правовой формой закрепления своего социального статуса. Сословная статификация присуща феодальному обществу, в основе которого лежит внеэкономическое принуждение. Такой тип структурирования общества возникает там, где экономические отношения носят зачаточный несформировавшийся характер и не выполняют существенной социально-дифференцирующей роли. Главным механизмом регуляции хозяйственной и социальной сфер выступает государство, делящее людей на неравные в правовом отношении сословия. В наиболее ярком виде такой тип общества порождается государственным способом производства, имеющим массу вариантов реализации от Вавилона до царской России. Сословное деление общества является естественным следствием господства государственного способа производства (европейские феодальные поместья — это по

своей сути мини-государства в государстве). Капитализм ломает основы сословного деления, ликвидируя внеэкономическое принуждение в сфере хозяйства и правой способ закрепления неравенства. В России этот процесс не успел дойти до логического завершения.

Идеалы Октябрьской революции, идеология большевиков не имели, конечно, ничего общего с возвратом к феодальным принципам организации общества. Однако практика социалистического строительства привела к оформлению государственного способа производства в его логически завершенном виде. Административная система поглотила гражданское общество, экономическую и политическую системы. Все граждане стали служащими государства, различающимися своим местом в должностной иерархии. Любая же иерархически организованная организация вполне естественно стремится к административному и правовому закреплению статуса каждого служащего или слоя служащих. Это необходимое условие организации. В данном случае общество слилось с государственной организацией. Отсюда — закономерная тенденция закрепить статус каждого слоя с помощью правовых и административных механизмов. Социальное неравенство в условиях отсутствия экономической системы носило административно-правовой характер. В результате борьба за построение социализма как-то неожиданно привела к возрождению еще не успевшего исчезнуть, но постепенно исчезающего до революции сословного строя. Разумеется, слово «сословие» не произносилось. Советская мифология развивалась в ином направлении.

Социализм начинали строить в условиях отсутствия определенных классической марксистской теорией предпосылок (перезревший, исчерпавший свои возможности капитализма). В этих обстоятельствах государство не могло не стать главным орудием построения нового общества. Социальное насилие закономерным образом вытекало из поставленной сверхзадачи: большевики, как в свое время коммунары, «штурмовали небо». Утопическая политика может реализовываться лишь через насилие.

Силой государственного принуждения был изменен социально-экономический статус помещиков и капиталистов. На пути их возрождения были поставлены правовые преграды. Для ограничения влияния этих социальных групп на жизнь общества их права в законодательном порядке были ограничены, а обязанности специфицированы («трудовая по-

винность», особое налогообложение, запреты предпринимательской деятельности и т. д.). Под аналогичные ограничения попали и другие «социально чуждые элементы», близкие к бывшим господствующим классам (бывшие чиновники) или не проявившие политической лояльности по отношению к Советской власти. Особой системой правовых и административных рычагов был определен специальный статус «кулаков». Их выделение, особенно в период коллективизации, основывалось не столько на социально-экономических, сколько на политических критериях («раскулачивались» противники коллективизации). В целом советское крестьянство с первых лет советской власти оформлялось в особое сословие: его права ограничивались даже на уровне конституции вплоть до 1936 г. В форме же подзаконного административно-политического регулирования неравенство прав рабочих и крестьян проявлялось во многих сферах еще долгие годы (прикрепление к колхозам через систему беспаспортного режима, привилегии рабочим и выходцам из рабочих семей при получении образования и продвижении по службе, система прописки, усугубляющая неравенство городского и сельского населения и т. п.).

Особая сторона советского сословного строя — подзаконное закрепление привилегий номенклатуры во всех сферах общественной жизни. Работники партийно-государственного аппарата превратились фактически в особое сословие с целым комплексом особых прав и обязанностей, распадающееся в свою очередь на серию подсословий. При этом в системе номенклатуры проявлялась и такая характерная черта классического сословного строя как наследственность: привилегии, получаемые чиновником определенного ранга, в значительной степени распространялись и на его семью. При этом речь идет не о стихийном перераспределении (это особая проблема), а узаконенной, хотя и сохраняемой в тайне, социальной практике.

Репрессивная политика 20—50-х гг. сформировала массовое и неоднородное по своему социальному составу сословие осужденных. Оно включало заключенных в лагеря («зэков»), спецпоселенцев и спецпереселенцев, сосланных и т. п. Их особый социальный статус был закреплен в правовом и административном порядке. Это было фактически сословие рабов советского образца. В современных условиях криминальное население исправительно-трудовых учреждений по своей сути представляет также особое сословие, хотя и без

наследственного статуса. Черты сословности несет статус военнослужащих, пенсионеров. В принципе элементы сословности можно найти в любом обществе. Характерная черта же государственного социализма, особенно в его крайних формах (режим Сталина, Мао Цзедуна, Пол Пота, Э. Ходжи и т. д.), состоит в оформлении сословных элементов в цельную систему, обоснованную на уровне идеологии, закреплённую в праве, охватывающую всю общественную жизнь.

Социально-территориальная стратификация

Место социальной общности в системе общественного разделения труда в значительной мере обусловлено ее местоположением. Этот же фактор порождает существенные различия в стиле жизни. Данный механизм, имеющий универсальный характер, наиболее явно прослеживается в делении населения любой страны на сельское и городское с целым рядом градаций внутри каждой группы. В условиях рыночной экономики их место в системе социальной стратификации обуславливается прежде всего экономическими факторами, однако в современном западном обществе позиции сельского населения в его конкурентной борьбе с городом поддерживаются с помощью рычагов экономической политики государства. Благодаря этому некогда разительный контраст в уровне жизни сельского и городского населения в развитых странах Запада почти не прослеживается.

Государственное регулирование социально-территориальной стратификации, играющее второстепенную роль в условиях рыночной экономики, является определяющим в обществе государственного социализма. Место территориальной общности в системе социальных отношений обусловлено прежде всего ее местом в системе отношений власти. Этот фактор в свою очередь обусловлен социально-отраслевой стратификацией. Коммунистическая идеология, являвшаяся всегда важной детерминантной коммунистической политики, в своей основе имеет тезис о ведущей роли промышленного рабочего класса в историческом процессе. Это — идеологическая основа стимулирования развития прежде всего промышленности, расположенной в основном в городах. В ходе революции большевики получили наиболее явную массовую поддержку в среде промышленного рабочего класса. Аналогичная ситуация сложилась и в ряде других стран, вставших

на путь государственно-социалистического развития. Это — политическая детерминанта поддержки городов средствами государственной политики. Кроме того, все страны государственного социализма в силу внешних и внутренних причин оказались в положении «осажденной крепости». Этот фактор обусловил упор в политике на укрепление обороноспособности. В результате место территориальных общностей в системе социальных отношений во многом определялось их ролью в укреплении оборонного потенциала. В силу этого города получили явное первенство по отношению к деревне. Кроме того, в специфических условиях ускоренной индустриализации деревня выступила в качестве основного источника финансирования этого процесса, что обернулось резким ускорением развития городов на фоне ускорения обнищания сельского населения. В результате естественное отставание социального развития сельского населения не только не сдерживалось, но наоборот углублялось административно-политическими методами. Деревня десятилетиями рассматривалась как средство по отношению к городу (если, конечно, исходить из реальной политики, а не из политических деклараций). С целью повышения ее роли как источника финансирования индустриализации было проведено даже такое мероприятие как тотальная коллективизация сельского хозяйства, сломавшее вековой уклад крестьянской жизни, стоившее разорения и жизни миллионам наиболее крепких крестьян. Таким образом, социальный контраст города и деревни в первую очередь связан с политически обусловленной пропастью между промышленностью и сельским хозяйством в системе социально-отраслевой стратификации.

Другой срез социально-территориальной стратификации связан с различиями между разными типами городских поселений. Важнейшим фактором являлось всегда место данного города в социально-отраслевой стратификации. Поскольку ведущей отраслью выступает партийно-государственное управление, то административная значимость города определяет его социальное развитие. В силу этого страна всегда жила по принципу: «Накормим столицу, а остальным — что останется». В результате был создан резкий контраст в условиях жизни москвичей и остальной части граждан.

Все остальные города ранжировались также по степени их административной значимости при распределении социальных благ. В результате столицы союзных республик уступали Москве, но процветали на фоне областных центров, ко-

торые в свою очередь блистали на фоне районных столиц (райцентров), резко опережавших в своем развитии обычные населенные пункты.

Немалую роль в стратификации городского населения играли и идеологические соображения партийно-государственной элиты. Мы — страна «развитого социализма». Мы опередили весь мир. Мы прокладываем путь для всего человечества. Это — краеугольные камни советской идеологии. Чтобы никто не сомневался в этом, необходима была крупномасштабная система пускания пыли в глаза иностранным официальным делегациям и туристам. Это обусловило курс на превращение «Москвы в образцовый коммунистический город». Чтобы эту сказку сделать похожей на быль, вся страна скребла по сусекам, отправляя эшелоны в столицу. В силу тех же соображений подкармливались и другие центры международного туризма. Поскольку же сусеки страны всегда отличались удивительной пустотой, то количество городов, посещаемых иностранцами, ограничило до предела, закрыв для иноземцев по сугубо стратегическим (не военным, а идеологическим) соображениям почти всю страну.

На социальное ранжирование городов накладывала отпечаток вся система социально-отраслевой стратификации. Принадлежность к военно-промышленному комплексу резко поднимала статус данного города. Центры тяжелой промышленности имели лучшие социальные условия, чем центры легкой промышленности. В ряде случаев административный и военно-промышленный и туристский центр совпадали. Тогда город получал особенно благоприятные условия развития (Москва, Ленинград). И перенасыщенность последнего военной промышленностью, воинскими частями, и размещение здесь базы Балтийского флота не мешали организованной концентрации массы иностранных туристов. В то время как в нищем городе достаточно было одного патронного завода для закрытия его для посещения иностранцами. И это естественно: советское руководство скрывало от мира не наши общеизвестные военные объекты, а нищету.

Этно-социальная стратификация

Наличие такого типа стратификации — удел почти всех многонациональных обществ. Факторы, обуславливающие неравенство этнических общностей, крайне разнообразны. Даже

их беглой характеристики хватило бы на большую статью. В данном случае я ограничусь анализом лишь тех факторов, которые порождены именно этакратическим типом общества.

Поскольку такое общество, как утверждалось в научно-коммунистической литературе, характеризуется «научным управлением» всеми сферами общественной жизни, то партийно-государственный аппарат не мог не стремиться к регулированию национальных отношений. При этом он исходил из основного закона общества такого типа: все для укрепления мощи государства. Действие данного закона не могло не оказывать огромного влияния на социальные различия в этническом плане. В основном они порождались социально-отраслевой и социально-территориальной стратификацией, являясь их косвенным следствием. Так, этносы, связанные с сельским хозяйством, отставали по уровню социального развития от промышленно развитых этносов. Народы, населяющие отдаленные и труднодоступные районы, оказались в заведомо худшем положении, чем живущие в центре, вблизи административных и промышленных узлов.

Однако в определенной мере этно-социальная стратификация порождалась и непосредственным образом в результате действия административно-политических регуляторов. Место народа определялось его значимостью для укрепления Советской власти. Это главный критерий, лежавший в основе дифференциации социальной политики в отношении разных этносов.

Прежде всего этно-социальная стратификация порождалась местом этноса на шкале политической лояльности. На уровне политики Центра русские, начиная с 30-х гг., занимали лидирующие позиции. Даже «великий вождь всех народов», несмотря на свое грузинское происхождение, все более явно не только декларировал свою особенно высокую оценку роли русского народа в жизни страны, но и, по свидетельству ряда близких к нему очевидцев, грешил русским национализмом. Комплектация политической элиты страны, особенно после смерти Сталина, почти исключительно русскими деятелями — отражение места русской нации на шкале политической лояльности.

В союзных и даже во многих автономных республиках при формировании своей кадровой политики в пределах компетенции республиканских партийных органов складывалась своя шкала политической лояльности, на которой первое место занимал коренной этнос, давший имя республике.

Его представители на разных этапах истории советского общества имели явное преимущество при подборе руководящих кадров, приеме в вузы. При этом противоречие Москвы и республик проявлялось в неприкрытой дискриминации русского населения в области расстановки кадров и высшего образования в целом ряде республик.

Целый ряд народов оказался в самом низу шкалы политической лояльности, что пагубно отразилось на их месте в системе этно-социальной стратификации. Так, в конце 30-х гг. начинается свою историю репрессивная национальная политика сталинского режима, стимулируемая атмосферой «осажденной крепости». Сначала шел процесс укрепления границ путем высылки подальше от священных рубежей подозрительных этносов (корейцев, финнов, поляков), затем в годы Отечественной войны «от греха подальше» под фальсифицированным предлогом были сосланы на восток и на север немцы. В конце войны начинается поголовное выселение целых народов, обвиненных в предательстве. В результате сталинского переселения народов резко изменилось их место в системе этно-социальной стратификации. Лишившись почти всего имущества, они оказались в необжитых районах, вынуждены были начинать жизнь с нулевого цикла. Кроме того, их гражданские права были резко ограничены: прикрепление к определенной территории, запрет изучения родного языка, ликвидация национальных школ, газет, издательств и т. п., ограничения в получении высшего образования и занятии ответственных постов. Вполне логично предполагалось, что народы, «перевоспитываемые» таким образом, не могут быть лояльны к существующему режиму, из чего следовали меры предосторожности, делавшие их представителями гражданами низшего сорта. После XX съезда КПСС начался процесс половинчатого восстановления прав репрессированных народов. При этом ряд из них (немцы, крымские татары, месхетинцы и др) даже не получили права вернуться в родные места. Длительное время действовали в отношении них меры предосторожности, ограничившие их гражданские права. Не разрешена проблема и по сей день.

Одной из жертв национальной дискриминации стали евреи. В конце 40-х гг. в условиях ожесточенной «холодной» войны возникло государство Израиль с явно проамериканской ориентацией. В условиях тотальной подозрительности по уже известной схеме все лица еврейской национальности приобрели клеймо недостаточной благонадежности, что проявилось

в ряде фальсифицированных госбезопасностью дел. В 50—60-е гг. израильско-арабский конфликт вовлек в противоборство США и СССР. И вновь евреи оказались под подозрением. Когда же появилась возможность эмиграции из СССР, то реальный шанс на нее имели прежде всего евреи (для выезда необходим был вызов близких родственников). Поток эмиграции резко усилил находившийся до этого в зачаточном состоянии политический антисемитизм, проявившийся в ограничении допуска евреев к работам, связанным с государственными секретами, к обучению во многих вузах, в дискриминации при приеме на работу даже в учреждения, не связанные с обороной. Это еще более стимулировало эмиграцию, которая в свою очередь стимулировала недоверие и дискриминацию.

В весьма противоречивом положении оказался русский этнос. Правящей элитой он всегда рассматривался как главная опора многонационального государства, как гарант его стабильности. В силу этих соображений стимулировалась миграция русского населения на территории других союзных республик. Из него черпались основные кадры номенклатуры союзного значения. Однако бремя опоры империи в государственно-социалистическом варианте повлекло для русского народа огромные социальные издержки: на него пала главная тяжесть формирования союзного бюджета, подъема экономики отсталых национальных окраин. Все это обернулось разорением прежде всего русской деревни, которая не имеет себе равных в стране по нищете. В результате сложилась парадоксальная ситуация: народ, представляющий метрополию, оказался в худшем социальном положении, чем народы национальных окраин.

Периферийная социально-экономическая стратификация

Социально-должностная и отраслевая системы стратификации определяют социальное лицо государственного социализма. Однако стратификация по критерию отношения к средствам производства, будучи оттесненной на периферию социальной структуры, все же сохранилась и никогда полностью не исчезала (если не считать бюрократическую реальность идеологических и политических документов).

Мелкий собственник в странах государственного социализма, будучи буквально прижат к стенке массой ограни-

чений, кампаниями борьбы с мелкобуржуазными пережитками и т. д., никогда тем не менее не исчезал. Он действовал в рамках легальной «второй» экономики, ведя мелко-товарное производство на своем приусадебном участке, даче. Но особенностью этого мелкого собственника всегда было то, что он выступал как мелкий производитель по совместительству: днем — работник совхоза или завода, а вечером — мелкий крестьянин. Поскольку для широких слоев населения личные подсобные хозяйства давали основную часть дохода, то их можно отнести к промежуточному слою, одна часть которого — в основном мелкие собственники, а другая — в основном работники государственных предприятия или колхозов.

Традиционные слои всегда были и есть в сфере теневой экономики. Основную часть ее работников составляют «совместители», явочным порядком присваивающие часть государственного продукта или часть рабочего дня, использующие государственные средства производства в личных целях. В этом случае водитель государственного автомобиля на несколько часов в день или неделю превращается в собственника этого автомобиля, работая на рынок. Там, где есть мелкое частное производство, не подконтрольное государству, неизбежно появляется среднее и даже крупное капиталистическое производство. Подпольные миллионеры, нажившие свои состояния посредством присвоения явочным путем части государственного имущества, — это скрытый слой буржуазии, подпольно действующей и процветающей в условиях государственного социализма.

Перестройка системы социально-экономических отношений открыла новые возможности для частной хозяйственной деятельности. Часть теневой экономики легализируется, то, что вчера запрещалось (например, частный извоз, торговозакупочная деятельность и т. д.), сегодня легализовано. Курс па многоукладную экономику ведет к усилению роли, росту численности социальных слоев, действующих на периферии социальной структуры.

Развитие подлинной кооперации, в частности в форме превращения колхозов в настоящие кооперативы, превращает отношение к собственности и в обобщественном секторе в социально-дифференцирующий фактор.

Все это подрывает монопольное положение социально-профессиональной стратификации. Не исключено, что если наметившиеся тенденции к формированию многоукладной

экономики получат дальнейшее и крупномасштабное развитие, то произойдет возрождение социально-классовой стратификации. Но уже не в четком виде периода классического капитализма, а в форме размытой системы, в которой переплетается слоевая и классовая структура.

Этакратический характер советского общества накладывает существенный отпечаток на процесс формирования нового типа социальной стратификации. Место в системе властных отношений выступает в качестве ведущего фактора, определяющего шансы индивидов и социальных групп в процессе приватизации и образования частных капиталов. Разгосударствлением пользуются прежде всего работники аппарата управления, они же получают наиболее благоприятные условия для экономической деятельности создаваемых ими кооперативов и частных предприятий, подчиняя своему частному интересу наработанные на партийно-государственной службе связи. Таким образом административная элита выступает в качестве ведущего социального источника формирования новой экономической элиты.

1. Радаев В. В., Шкартан О. И. Власть и собственность // Социс. 1991. № 1.